

Кирпиченко Т. В.

ЗАПИСКИ О «РОЗОВОМ ГОРОДЕ». КАКИМ ВИДЕЛИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАБАРОВСК ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В 2013 г. Хабаровску исполнилось 155 лет. За полтора века наш город прошел путь от небольшого военного поселения Хабаровка на далекой окраине Российской империи до крупного административного центра — столицы Дальневосточного округа Российской Федерации. Представление о том, как выглядел город на заре своего строительства, как он рос и развивался, дают старинные фотографии из альбомов с видами Хабаровска, которые хранятся в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ). Существуют также многочисленные письменные свидетельства — воспоминания путешественников и исследователей XIX — начала XX в., посетивших наш город в разные годы, путевые дневники писателей, побывавших на далекой окраине России, деловые заметки чиновников и военных, приезжавших сюда по служебным делам.

Сегодня мы можем увидеть город их глазами, перелистав страницы старых книг, которые давно стали библиографической редкостью и большей частью никогда не переиздавались.

Первое описание места будущего Хабаровска мы находим в книге М. И. Венюкова. Михаил Иванович Венюков (1832–1901) — ученый-географ, путешественник в свите генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, в 1858 г. побывал на берегах Амура, участвовал в подписании Айгунского трактата и закладке селения Хабаровка. Последние 24 года жизни он провел в эмиграции, где написал и издал в Амстердаме в 1895 г. три книги своих воспоминаний.

В первом томе в главе «Восточная Сибирь и Амур» М. И. Венюков пишет: «Станица Корсакова едва зарождалась; зато Хабаровка, поставленная на превосходном, возвышенном берегу Амура и Уссури, при окончательном их слиянии, представляла утешительный вид¹. Здесь работы, под управлением того же Дьяченки, который в прошлом году строил ст. Кумарскую, шли очень успешно, и возникали не только дома, но лавки с товарами, даже, если не ошибаюсь, заложена была небольшая церковь или часовня на пригорке, видном издалека. Купцы своим коммерческим чутьем поняли, что тут в будущем предстояло возникнуть большому торговому городу, и если он долго не возникал, то вот, например, какие обстоятельства мешали тому. Гораздо позднее основания Хабаровки, в 1870-х годах, возникла мысль устроить в ней местопребывание губернатора всего Амурского края, причем Благовещенск остался бы уездным городом по крайней мере до того времени,

пока население Амурского края не увеличится настолько, чтобы стоило сделать из него две области. При этом, конечно, губернатору из Благовещенска, где у него есть хороший дом, пришлось бы переехать в Хабаровку, на первое время — в помещение более тесное; пришлось бы и удалиться от Иркутска, где жил нареченный тесть губернатора Оффенберга, генерал-губернатор Фридрихс. Спросили из Петербурга мнение последнего и что получили в ответ? — „Хабаровка неудобна; она лежит на болоте, отличается нездоровостью” и т. п. — Мне случилось читать этот любопытный ответ, и я не знал, как он мог быть дан вопреки очевидности, — потому что Хабаровка лежит на откосе высокой горы и есть одна из лучших по местности колоний Амурского края, — и какая цель могла быть при составлении? Только случайно, узнав семейные обстоятельства, на которые сейчас указал, я понял, почему хребет Хехцыр официально обратился в болото... Что же такое нужды государственные перед семейными некоторых особ» [1, с. 255]².

Книги воспоминаний М. И. Венюкова прибыли в Николаевскую публичную библиотеку Хабаровска (ныне Дальневосточная государственная научная библиотека) из Парижа в 1907 г. в составе книжного собрания, завещанного Венюковым городу, при закладке которого он присутствовал в 1858 г.

Через два года после закладки Хабаровки в этих краях побывал известный русский путешественник, писатель, исследователь-этнограф, знаток русского быта Сергей Васильевич Максимов (1831–1901). По поручению Морского ведомства в 1860–1861 гг. С. В. Максимов совершил путешествие на Дальний Восток для изучения Приамурья и некоторых северных территорий края. Путешествие это повлекло ряд статей, а затем легло в основу книги «На Востоке». Третья глава этой книги называется «На Амуре. Первые путевые впечатления». В разделе «От Хабаровки до Николаевска» автор отдает должное тому месту, которое было выбрано для постройки селения.

«Около той скалы и по ее отклонам, или прикрутостям уссурийского берега, выстроилось новое казенное селение, носящее имя первого храброго завоевателя Амурского края Хабарова.

Застроенная исключительно домами баталионного штаба (в виде крупных казарм и мелких домов для семейных), Хабаровка с реки поражает замечательную оригинальностью постройки и самого вида. Благодаря естественному строению Хабаровской горы, разбившейся на две — на три террасы, и отчасти предусмотрительности строителей, Хабаровка выстроена именно таким образом, что ни одно строение ее, как бы оно ничтожно и некрасиво ни было, не прячется от глаз, не скрывается одно за другим. При сравнительно малом числе строений Хабаровка кажется при выезде с Амура большим, людным и хорошо обстроенным селением. Дома Амурской компании, застроенные по-

одадь за оврагом на отдельной прикрутости (по направлению к Уссури), в общем виде Хабаровского селения играют не последнюю роль и в свою очередь значительно дополняют своеобразность этого ландшафта. Лишь только проезжий очутится на берегу, стук топора и визг пилы преследует его с утра до вечера, везде: и на том краю, где выстроились в два ряда длинные казармы, и на другом фланге (как привыкли выражаться в Хабаровке), где опять идут казармы, несколько землянок и овраг с пересыхающим ручьем, за которым на горе и в не вырубленном еще лесу поместились строения Амурской компании. Между домами кое-где огороды, во многих местах убраны свежие пни богатых и некогда рослых деревьев и, благодаря распорядительности начальства, с одного конца селения до другого (на расстоянии двух верст) проведена гладкая дорога, род шоссе. Шоссе это, воспользовавшись разлогами скал, спускается на берег Амура, ниже скалы, разделяющей воды двух рек, и оканчивается там, где выстроены госпитальные здания. Лес на этой скале остался в целости, невырубленным; прочищены между деревьями дорожки и убран валежник, вследствие чего первобытное лесное место превратилось в довольно большой и красивый сад. С одного пункта этого сада, с одной площадки его, видна вся затейливая и хитро обдуманная постройка Хабаровки, видна Уссури с двумя песчаными отмелями, с низменным огромным островом, дальним высоким хребтом Хохцыра (Хехцир — Т. К.), виден прямо перед глазами широкий Амур, огибающий огромную низменность, ушедшую в бесконечную даль к станицам Новгородской, Спасской и Луговой.³ Вторая, расчищенная в саду площадка выводит наблюдателя уже прямо на Амур и показывает ему то место, где обе реки сошлись в одно русло и только подле самого берега, под ногами, вода Уссури быстротой течения оспаривает свое место и право у спокойного, торжественного течения желтоватой воды амурской. Прямо перед глазами тянется еще во всей своей неоглядной красоте зеленая степь низменного левого амурского берега; правее и дальше выплывают амурские острова, и еще правее, по правому берегу Амура, потянулись уже вековые густые леса, наполненные дубами, лиственницей, буком, орешником, и проч. На этот раз правый берег Амура — русский берег, нераздельно с левым, принадлежащий по правительственному разделению — как известно — к Приморской области Восточной Сибири.

Во всяком случае Хабаровку должны мы отнести к числу лучших, красивейших мест по всему долгому течению Амура, и готовы пожалуй признать за нею все выгоды и преимущества для того, чтобы селению этому со временем превратиться в город. Действительно лучшего места для города выбрать трудно и вероятно город и будет тут, если изменятся настоящие условия амурских заселений и если будущее Амура будет счастливее его настоящего» [2, с. 238].

Побывал на Амуре и князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) — теоретик анархизма, автор «Записок революционера». В 1862 г. окончив Пажеский корпус, он записался в Амурское казачье войско, решив дилемму — университет или Сибирь. «Новоприосоединенный Амурский край, с могучей еще не исследованной природой, дразнил в нем инстинкты путешественника. Сибирь грезилась ему безграничным полем для цивилизаторской работы». Выехав 24 июня 1862 г. из Петербурга, Кропоткин сразу сделал первую запись в «Дневнике», который вел в течение всего путешествия. В нем он подробно описал даже самые незначительные, на первый взгляд, события, рассказал о встречах с заинтересовавшими его людьми. В ДВГНБ хранится экземпляр «Дневника» П. А. Кропоткина, изданного в 1923 г.

Через год, добравшись наконец до Амура, он делает запись в «Дневнике», где описывает некоторые бытовые подробности повседневной жизни жителей селения. «Пришли мы в Хабаровку только 2 августа [1863 г.]. Хабаровка расположилась на высоком, очень крутом берегу, — нужно было делать лестницы, чтоб подниматься. Здесь стоит 3-й лин. батальон и недавно пришел 1-й. От этого Хабаровка очень заселилась, — много строений, казармы, дома офицеров и, наконец, особая улица Купеческая с красивыми домиками и лавками. Нам хотелось отпустить Осипа, поэтому не варить обеда и отобедать где-нибудь. Расспросили, где Юзефович, — уехал; еще кое-кого, — тоже не было. — Пойдем к купцу Чердымову. Скажем ему, что у него обедаем. — Ладно, пошли. Купец Чердымов имеет очень порядочную лавку, хорошо снабженную всякими товарами, и ведет вот такого рода торговлю. Как только станет Амур, он посылает приказчика, который умеет говорить по-китайски и на этих наречиях, на собаках с хлебом (будой), с кое-какими припасами и водкой; тот меняет это на соболей на Уссури. Торговля выгодная, к этому же, так как товары выбраны у него хорошо, то он ведет свои дела очень порядочно и поднялся что-то очень скоро.

Чердымова дома не оказалось, сидели в лавке долго. М. [Малиновский] заказал соболей; стали расспрашивать, где, кто, — оказалось, что в Хабаровке есть один знакомый Малиновского — казначей Финкстен. Пошли к нему без всякой церемонии. Я познакомился. Бабст, Дубинский, Дор, потом Аносов. Большая комната, красивая, выбеленная, пианино, — все, одним словом, очень хорошо, чисто; хозяин, аккуратный немец. Живут, как видно, в довольстве; и была бы потребность, могли бы иметь более книг, чем Военный Сборник» [3, с. 135].

Помимо бытовых зарисовок исследователь П. А. Кропоткин описал и окрестности Хабаровки, особенно его заинтересовала богатая дальневосточная растительность. Он пишет: «Там есть утес над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный по удивительно-разнохарактерной растительности. Это невольно поражает и впослед-

ствии: рядом с осиною, очень рослою и толстою, стоит толстая же берега, белая и изредка черная. Тут же растет орешник, покрытый кистями огромных орехов (грецких), тут же клен, орешник (казанские орехи). Вид с утеса великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плесом, только островки виднеются по краям, влево Усури, впадающая в Амур, острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде. Жаль, что шел дождь, и не было соответствующего освещения. Весь день мочил нас дождь и ветер дул. [6 августа 1863 г.]» [3, с. 136].

Приамурский край рос, развивался и все больше привлекал к себе внимание людей деловых и предприимчивых. Побывав на Амуре, они составляли свое мнение о возможностях коммерческой деятельности в этих краях. Обобщив эти сведения, староста собрания кяхтинского купечества — крупнейший чайный торговец Иван Андреевич Носков (ок. 1810—1876) в 1865 г. издал в Санкт-Петербурге книгу «Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях», где так описал Хабаровку: «Хабаровка населена людьми разных сословий: здесь с самого начала расположился Штаб Линейного № 3-го батальона, выстроено много зданий, казармы для солдат, дома для офицерских квартир, деревянная церковь и лазарет; потом стали селиться торговцы, выстроили несколько домов с торговыми помещениями, большая фактория Амурской Компании и учреждено почтовое отделение. Местность, где стоит Хабаровка, весьма возвышенная, но изрыта оврагами; кругом ее непроходимый лес, почему землю для пашни нужно разрабатывать из-под лесу; покосы заняты по островам и за рекой Амуром, но подвергаются почти ежегодно наводнению. Вообще же Хабаровка будет иметь большое значение, она и теперь занимает такой пункт, в котором уже сосредоточивается торговля, — распространяя некоторым образом свое влияние — вниз и вверх по Амuru, а по Усуре (Усури — Т. К.) до озера Ханкая (Ханка — Т. К.) и далее. Здесь образовалось уже пристань и склады для судоходства по Амuru и Усуре» [4, с. 18—19].

С 1867 по 1869 г. в Приамурье работал известный русский географ и путешественник Николай Михайлович Пржевальский (1839—888). Это первое и единственное путешествие Николая Михайловича, маршруты которого лежали вне пределов Центральной Азии. Замечательное по своим результатам, оно сделало имя Пржевальского знаменитым. Во время экспедиции он вел метеорологические наблюдения, собрал громадную коллекцию птиц, семян, гербарий из двух тысяч растений, регулярно заполнял страницы дневника, ставшего основой его книги «Путешествие в Усурийском крае». Базой экспедиции Н. М. Пржевальского была Хабаровка, которую он описал в дневнике так: «Это селение, живописно раскинувшееся на правом гористом берегу реки,

вытянулось, в настоящее время, более чем на версту в длину и имеет 111 домов, в которых, кроме войск, считается 350 человек жителей обо-его пола; цифра же солдат бывает различна и колеблется между 150–400 человек, смотря по временам года.

Таким образом, главную массу населения составляют войска; затем следуют купцы, крестьяне, отставные солдаты и китайцы. Последние живут в нескольких фанзах, и число их невелико, но оно значительно увеличивается летом, в июне и в июле, когда китайские торговцы съезжаются сюда с Усури, ближайших частей Амура и даже с Сунгари, для продажи соболей, получаемых ими от гольдов, орочей и других инородцев Амурского края...

...Товары свои хабаровские купцы получают частью из Николаевска, куда эти товары привозятся на иностранных кораблях, частью же выписывают их из Читы или из Иркутска, реже прямо из Москвы. Торговцы по Усурийским станицам запасаются товарами уже в Хабаровке.

Все эти товары самого низкого качества, потому что как из России, так и из-за границы стараются сбыть сюда самую дрянь, которая нейдет с рук дома. При том же цены на них непомерные. Уже в Иркутске и Николаевске цены на все, по крайней мере, двойные; затем хабаровские торговцы берут в полтора, или два раза против того, почем они сами покупают; наконец их приказчики или другие мелкие купцы, торгующие по станицам на Усури, берут опять в полтора или два раза против хабаровских цен... Обращаясь еще раз к самой Хабаровке, следует сказать, что выгодное положение этого селения при слиянии двух громадных водных систем — Амурской и Усурийской — обещает ему широкое развитие, даже в недалеком будущем» [5, с. 32].

Как складывалась коммерческая жизнь в Хабаровке спустя пять лет, наблюдал чиновник Алябьев. Прослужив восемь лет в Приамурском крае, он собрал обширный материал по истории заселения края и об экономическом состоянии его на момент пребывания там. Свой материал он подготовил к печати, заказав для книги рисунки в Париж, а выборочные заметки представил для публикации в журнал «Всемирный путешественник» и поместил в книгу, опубликованную в 1872 г.

В книге «Далекая Россия. Усурийский край» автор пишет: «Хабаровка, расположенная в устье Усури, весьма живописно разбросана на горе, поросшей лиственным лесом. Построенная первоначально исключительно в видах военных, она, по своему счастливому положению, с каждым годом развивается все более. Представляя из себя в первое время не более как казарму для военного поста и провиантный магазин, она теперь тянется по берегу на протяжении целой версты и имеет 111 жилых зданий и до 1000 человек жителей вместе с войсками. В особенности увеличивается прибылое население в два летних месяца: июнь и июль, когда не только с Усури, но даже с Сунгари при-

бывают китайцы с купленными от инородцев соболями, для которых Хабаровка главное складочное место. Купцы говорят, что в Хабаровку собирается ежегодно до 20 000 собольих шкурок, цена которой от 5 до 20 серебряных рублей...»

Алябьев приводит некоторые цены на самый ходовой товар, существовавшие в Хабаровке в XIX в. «Дюжина самых простых костяных пуговиц, стоящая обыкновенно в России не дороже 10 копеек, дойдя до Хабаровки обращается в 45 и 50 коп.; тот курительный табак, за который даже в Иркутске платится 60 коп. за фунт, в Хабаровке продается за 1 р. 20 к., перочинный ножик, красная цена которому в Москве 50 к., в Хабаровке за 60 к., а простое маленькое зеркальце в 10 коп. покупается здесь за 2 р., простая писчая бумага, стоящая не более 2 р. 50 к. за стопу в Москве, — в Хабаровке обращается по цене в веленевую, стоящую 8 р. и дороже. Кто бы хотел пошеголять своею опрятностью, тот бы мог легко разориться на одном мыле, кусок которого, стоящий в Москве 15 к., нельзя достать иначе как за 1 р. 25 к. или 1 р. 40 к. Если выйти на волосок из солдатского бюджета и захотеть полакомиться такими вещами, которые во всяком другом месте России составляют потребность для огромного большинства, то нужно быть уже со средствами, ибо за фунт сахару не угодно ли заплатить 50 к., за фунт пшеничной муки 25 к., за бутылку уксусу 60 к., а за фунт колбасы, которая уже обратилась в какое-то животное-растение, 75 к. Если вы привыкли хотя иногда освещать ваше помещение, то будете покупать для того сальные свечи и платить за фунт их от 40 до 45 копеек; если вам не нравится этот способ, покупайте стеариновые, которые продаются от 60 до 65 к. за фунт; наконец, если у вас есть керосиновая лампа, то купите бутылку керосина за 80 копеек.

Но не думайте, чтобы это уже были предельные цены; нет, они существуют для тех счастливых, которые могут жить в столице Уссурийского края — Хабаровке. Но отсюда купцы посылают своих приказчиков по всем жилым местностям, жители которых должны будут оплачивать как содержание этого приказчика, так и все расходы, наконец, сами казаки торговцы, ведущие торговлю по станицам, должны иметь барыши с товаров. Поэтому в Уссурийском крае, кого судьба обречет на жизнь не в столице, а внутри, тот платит за все еще дороже и получает товары еще хуже» [6, с. 19–21].

В 1880 г. в жизни Хабаровки произошло знаменательное событие: она получила статус города, а в 1893 г. переименована в Хабаровск. Строительство Транссибирской магистрали значительно оживило процесс миграции населения на Дальний Восток из центральных районов России. Переселенческим процессом в те годы занимались чиновники Министерства внутренних дел России (по переселенческому ведомству). Статский советник этого ведомства Владимир Людвигович

Кигн (1856–1908) добился труднейшей командировки в Сибирь по местам, где должна пройти железная дорога. С сентября 1896 по сентябрь 1897 г. он изучал условия мест проживания будущих переселенцев. Результатом этого путешествия стала очерковая книга «Панорама Сибири», написанная под литературным псевдонимом Дедлов. Книгу высоко оценили современники автора, в том числе его друзья — писатель А. П. Чехов и художник В. М. Васнецов. В ней присутствует живое описание Хабаровска. Сравнивая его с Благовещенском, автор пишет: «Характер Хабаровска иной. Это пока центр искусственный, административный, нечто вроде молодой столицы края. Стоит город великолепно, на очень высоком скалистом отвесном обрыве к Уссури, впадающей тут же в Амур. Устье Уссури, шириною почти в три версты, представляет собою величественное озеро, окаймленное высокими массивными островерхими горами хребта Хехциря [Хехцир — Т. К.], покрытыми лесом. На самом берегу распланирован хороший, уже не молодой парк, с зелеными лужайками и всеми редкостями амурской флоры, от амурской сирени до ореховых, бархатных и даже пальмовидных, но низеньких чертовых деревьев. На выдающемся в Уссури утесе, у подножия которого вода, гонимая водоворотом, течет вспять, на эффектном пирамидальном пьедестале, стоит колоссальная статуя Муравьева-Амурского, того самого, которого министр иностранных дел Нессельроде хотел предать суду за присоединение амурских земель. Сад, монумент, водная поверхность, противоположные горы, картина амурской равнины вправо, удивительные по краскам зори Дальнего Востока — дают прекрасную и величественную декорацию. Здания набережной изящны и красивы. Это маленькие дворцы как извне, так и внутри: дом генерал-губернатора, военное собрание. Изящен и стоящий тут же собор. Остальной город, если не считать квартала монументальных военных складов и казарм, совсем не то, что его официальная часть. В нем всего девять тысяч жителей, деревянные домики очень скромны, в предместьях — обыкновенные избы. К достоинству Хабаровска должно отнести многочисленные садики при домах с теми же амурскими растительными диковинами, что и в общественном саду, с прибавкой фруктовых деревьев средней полосы европейской России. Последние, несмотря на положение города под 48 градусом широты (параллель Каменца-Подольского и Царицына), оказываются тут не вполне выносливыми. Зато Хабаровск имеет собственное вино из туземного винограда, которое совсем можно пить. Хабаровский винодел, г. Хлебников, на Нижегородской выставке 1896 года даже получил за свое вино медаль.

„Черная половина” Хабаровска вначале произвела на нас удручающее впечатление. Пароход пришел поздно вечером. По очень крутому спуску нас взвезли в темные улицы, обставленные маленькими доми-

ками, покружили по ним, то взбираясь на гору, то скатываясь с горы, и остановились у совершенно карточного флигеля такой же карточной гостиницы, носившей название „отеля”. Во флигеле нам отвели кривую, косую и сырую комнату, от которой веяло чем-то „достоевским”, обстановкой „Бесов”, „Преступления и наказания”, „Карамазовых”. Прислуживали ссыльно-поселенцы, горно-заводский Андрей, убивший жену, и поляк Алексей из солдат, сосланный за оскорбление в пьяном виде офицера. Из флигеля мы перешли в „отель” ужинать. Повар-армянин — тоже ссыльный, но за что, не говорит. Хозяин — ссыльный, хотя и утверждает, что приехал в край в качестве подрядчика при постройке железной дороги. Впрочем, очень много подрядчиков, бывших сахалинских каторжников, которые ныне разбогатели, приняты в «обществе» и дружны с инженерами; значительная часть рабочих — тоже сахалинцы, так что над дорогой как бы висел дух каторги, прошедшей, настоящей и будущей. Веяло этим и в общей зале отеля. Выбитый кирпичный пол, низкие потолки; кругом лица, которые встарь носили бы клейма; в соседней комнате на бильярде играют подозрительные личности; в зале то появляются, то исчезают особы женского пола неувомимого общественного положения, называющие себя „гражданскими женами” инженеров и подрядчиков. Когда мы узнали, что во флигеле, за перегородкой, рядом с нашей комнатой, квартирует шесть корейцев, состоящих во временном браке с тремя японками, мы совсем приуныли и заставили дверь табуретами в неустойчивом равновесии, с таким расчетом, чтобы они рухнули при первой же попытке отворить дверь. Револьверы были заряжены, курки взведены, и мы приготовились дорого отдать свою жизнь всем этим каторжникам. Каторжники оказались, однако, премилыми людьми и впоследствии в течение целой недели нашей хабаровской жизни усердно прислуживали, вкусно кормили, но зато и драли немилосердные деньги.

Население города, как и его здания и улицы, тоже делится на две отличные половины. Одну составляют чиновники и офицеры, очень светские и элегантные, если они стоят близко к генерал-губернатору, и просто приличные и аккуратные; другая состоит из массы населения, смеси каторжника с переселенцем. Отличительная черта человека из массы, это — сытость. Сыт и хорошо одет солдат, бравый сибиряк. Сыт обитатель предместья Астраханки, переселенец с берегов Каспийского моря, дорого продающий на базаре рыбу, которую ловит в Усури и Амуре. Сыт извозчик, получающий за конец полтинник. Особенно сыты особы, именующие себя „гражданскими женами”. Женщины — редкость на нашем крайнем Востоке, а потому все к их услугам. Женщин так мало, что, говорят, выпущенные в июне гимназистки в августе все уже замужем» [9, с. 191–193].

Интересное свидетельство о дореволюционном Хабаровске оста-

вил военный деятель, журналист, писатель Петр Николаевич Краснов (1869—1947). Молодым офицером П. Н. Краснов побывал на Дальнем Востоке. В книге путевых очерков «По Азии» он пишет о Хабаровске: «Первое впечатление от города весьма благоприятное. Летом он весь в зелени. И зелень эта, и каменные, и деревянные дома, и домики, то взбегающие на длинные холмы, то убегающие в глубокие балки, ровная тайга левого берега, синие горы и сопки по Усури, — наконец, две широкие мощные реки, образующие громадный разлив, — целое море — все это чарует глаз; но войдешь в город, прогуляешься по улица и задумаешься. Недаром Хабаровск носит имя казацкого атамана Хабарова — казацкий город. Город без плана, без рисунка, — всякий лепил свой дом где хотел, отмежевывая себе сколько угодно места. Маленький город расплылся на громадное расстояние — словно хутор казацкий, где у каждого хозяина свое поместье». И далее он замечает:

«В Хабаровске местных жителей нет. Вместо хабаровцев вы видите петербуржцев, москвичей, орловцев, севастопольцев, одесситов, самарцев и т. д., все интересы которых сосредоточены там у себя в России. Хабаровск пока — это проходящие казармы, — гостиница, которую не берегут и не любят. Одни приезжают сюда на службу, на срок — на три или на пять лет; эти так и живут, не заводя себе обстановки, отсчитывая прожитые не годы, а месяцы, и мечтая о возвращении на родину.

— Нам осталось прожить еще двадцать пять месяцев, — говорит вам прекрасная молодая дама в петербургском платье, наливая маленькую чашку чаем и доливая кипятком из самой новомодной бульютки. Вы оглядываете обстановку, общество, — все генеральный штаб — вы в петербургской гостинице. Только ковров много, медвежьи шкуры такой величины и такой ценности, каких в Петербурге не найдете.

— А мне еще целых тридцать шесть месяцев, — с тоскою говорит пожилой капитан, — а вот Андрей Андреевич, счастливец, он в ноябре кончает.

— Довольно жить биваком — надоело, — замечает Андрей Андреевич. — Я уже мечтаю, какую обстановку я сделаю в России. Отдохну вволю...

Вы смотрите в чудные задумчивые, тоскующие глаза хозяйки, смотрите на ее прекрасную фигуру, а потом в окно, где под голубым небом торчат дубовые кустики тайги, виднеются далекие, дикие горы, и вы понимаете, что эта обстановка ей не к лицу. Ей надо укутать свое личико соболями, уткнуть фарфоровый носик в крошечную муфту и нестись по Невскому и по Морской, а не по Муравьев-Амурской...

И все-таки эти тоскующие по родине, рвущиеся домой, в Россию, люди, попавшие сюда на службу — украшение Хабаровска. Это они из ничего создали громадный музей, это они устроили военное собрание, они играют на любительских спектаклях, они поддерживают бодрый

воинский дух в войсках, они воспитывают будущих хабаровцев и хабаровок, они требуют мостовых, которых еще нет, фонарей, водопровода, они борются с вечными ответами „нельзя, невозможно, климат не позволяет“...» [10, с. 139–142].

Несмотря на трудности, связанные с отдаленностью от центральной части России, город рос, развивался и хорошел. Путешественники и гости города называли его «розовым городом», часто сравнивали с красивейшими европейскими городами. Так, Александр Аркадьевич Кауфман (1864–1919), командированный в Приамурский край для сбора статистических сведений по крестьянским хозяйствам, в своих очерках и путевых заметках «По новым местам (1901–1903)» писал о Хабаровске: «Хабаровск, эта официальная столица Приамурья, эти „амурские Афины“, как его называют местные патриоты, город, где по удостоверению тех же патриотов, имеется 14 (четырнадцать!..) одних только военных генералов, — очень красиво расположился на трех холмах, которые издали кажутся как бы зеленым островом среди широкого моря, образуемого слиянием двух огромных рек — Амура и Усури. Масса зелени, среди которой разбросаны небольшие, по большей части деревянные дома, но сравнительно много и кирпичных построек — почти все по оригинальному хабаровскому обычаю, из кирпича двух цветов, серого и красного, уложенного по фасадам в хорошенькие узоры; довольно красивые здания генерал-губернаторского „дворца“, Военного собрания, музея, библиотеки; по всем концам города, разбросаны кирпичные массивы казарм, и впереди всего этого величественный памятник Муравьеву; все это ласкает глаз и делает Хабаровск, по общему виду, одним из самых красивых городов Сибири» [11, с. 105–110].

К сожалению, многое из того, чем гордились «патриоты города» в начале XX в., давно утрачено, совсем новый облик у современного Хабаровска, но и сегодня гостей города не оставляет равнодушными могучий Амур и восхищает красота его улиц, бульваров и площадей.

Примечания

¹ Здесь и далее авторы книг Амурскую протоку, которая сливается с Амуром у Хабаровска (Хабаровки), часто ошибочно именуют рекой Усури. (Примеч. авт.).

² В цитатах частично сохранена орфография и пунктуация оригинала.

³ Тут же, неподалеку от этой беседки, на самом возвышенном месте скалы, уцелел еще до сих пор маленький гольдский храм, род часовни, с чугунным колпаком у дверей, заменявшим для инородцев колокол. В храме этом сохранились еще два деревянных подсвечника и даже уродливый бурхан — идол из дерева, может быть и недавний, судя по свежести березы, может быть, вчера поставленный поклонниками. Все хабаровские гольды выселились несколько пониже, небольшая часть живет в Хабаровке в услужении.

Список литературы

1. Венюков, М. И. Из воспоминаний. Кн. 1 : 1832–1867 / М. И. Венюков. — Амстердам, 1895. — 417 с.
2. Максимов, С. В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах) : Дорожные заметки и воспоминания / С. И. Максимов. — Санкт-Петербург, 1864. — 588 с.
3. Кропоткин, П. А. Дневник П. А. Кропоткина / П. А. Кропоткин ; предисл. А. А. Боровского. — Москва ; Петроград : Госиздат, 1923. — 291 с.
4. Носков, И. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношениях / Ив. Носков — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1865. — 61 с.
5. Пржевальский, Н. М. Путешествие в Уссурийском крае : 1867–1869 / Н. М. Пржевальский. — Санкт-Петербург, 1870. — 355 с.
6. Алябьев, А. А. Далекая Россия. Уссурийский край : (Из путешествия по Амуру и Усури) / Алябьев. — Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1872. — 115 с.
7. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. — Томск : Ф. П. Романов, 1897. — 692 с.
8. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. — Санкт-Петербург, 1900. — 640 с.
9. Дедлов, В. Л. Панорама Сибири : Путевые заметки/ В. Л. Дедлов. — Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1900. — 248 с.
10. Краснов, П. Н. По Азии / П. Н. Краснов. — Санкт-Петербург : Тип. Исидора Гольдберга, 1903. — 616 с.
11. Кауфман, А. А. По новым местам (1901–1903) / А. А. Кауфман. — Санкт-Петербург, 1905. — 350 с.